

Ночью в Цзянчжоу начался мелкий весенний дождь, и на деревьях распустились зеленые почки.

Но в ярко освещенном Восточном дворце залы оставались такими же пустынными и холодными, как и прежде. Цай Янь сидел за своим столом, изможденный до предела. Тут вошел Фэн До с бумажной трубкой в руках и поклонился ему.

— Вы нашли его?

— Он покинул город. В поместье канцлера его не было.

— А что с Улохоу Му?

Фэн До не имел ни малейшего представления и лишь покачал головой. Цай Янь сказал остальным сопровождающим:

— Вы можете идти.

Дворцовые служанки, конечно же, утвердительно ответили и вышли из комнаты, закрыв за собой дверь.

Фэн До достал из свертка несколько тонких листов бумаги и разложил их на столе. Аккуратный и красивый почерк Дуань Лина ровно размещался на странице.

— Слева — экзаменационная работа Ван Шаня, справа — копия переписчика, — сказал Фэн До*.

* Судьи не могут видеть оригинальный почерк, как и имена экзаменуемых. Это мера по борьбе с жульничеством, предотвращающая взяточничество и предвзятость.

— Он на пороге смерти, — с издевкой отметил Цай Янь, — и все еще тешит себя несбыточными мечтами о переустройстве мира.

Цай Янь перечитал страницы и бросил их в огонь, а затем в изнеможении откинулся на спинку кресла.

— Хм... — произнес Фэн До. — Ваше Высочество! Вы не можете этого сделать! Как...

— Что как?

Видя, что Цай Янь уже сжег их, Фэн До пришлось оставить свои мысли при себе. Он кивнул

Цай Яню.

— Я навел справки и выяснил, что Ван Шань начал жить в поместье канцлера в прошлом году. Говорят, он сын старого друга У Ду, и тот взял его к себе в качестве приемного сына. Случайно встретившись с ним, канцлер оценил его достоинства и сделал его партнером Му Цина по учебе, в этом году он также участвовал в специальных экзаменах вместе с Му Цином.

Цай Янь хмыкнул в ответ.

— По крайней мере, это послужит ему уроком, — сказал Фэн До. — Вынудит его вернуться в школу и учиться еще три года.

— Я хочу, чтобы он умер, — холодно произнес Цай Янь.

Фэн До на мгновение замер от удивления, как будто не ожидал, что Цай Янь так сильно воспримет оскорбление.

— Ну... — Фэн До на мгновение задумался над этим, а затем кивнул.

Цай Янь повернулся к нему.

— Этот мерзавец просто неуправляем — он осмелился подстроить мое убийство, воспользовавшись чужой рукой, чтобы сбросить меня в реку. Ты был там той ночью и тоже это видел.

— Конечно, это и вправду преступление, караемое смертью, и все же... Этот Ван Шань — член поместья канцлера Му. Если бы он был обычным слугой, мы могли бы придумать любую отговорку и избавиться от него, и он перестал бы быть бельмом на глазу. Теперь же он приемный сын У Ду, а когда речь заходит об У Ду, Его Величество тоже...

— Мне все равно. Придумай план, Фэн.

Судя по выражению лица Фэн До, он, похоже, по крайней мере, на данный момент был в полном замешательстве. После некоторой паузы он продолжил:

— Ваше Высочество, у этого Ван Шаня большой потенциал, и, на мой взгляд, было бы неплохо завербовать его в Восточный дворец, пусть все останется в прошлом, он будет благодарен...

Когда он дал свой искренний совет, его глаза встретились с глазами Цай Яня, и Фэн До тактично замолк.

Цай Янь вообще ничего не говорил. Прошло еще немного времени, и Фэн До снова вступил в разговор:

— На самом деле избавиться от него — задача не из легких.

— Верно, — лишь кивнул Цай Янь, наконец-то удовлетворенный. — И как же быть?

— Мы должны найти способ отвлечь У Ду и не дать им возможности находиться вместе.

— Судя по способностям Ван Шаня, он немного разбирается в боевых искусствах, — сказал Цай Янь. — Если мы пошлем половину Теневой стражи, этого будет достаточно, чтобы справиться с ним?

— Не в поместье Му. Чан Люцзюнь слишком легко обнаружит их. Поскольку Ваше Высочество твердо намерены заставить этого человека полностью исчезнуть, нам придется обсудить это с Улохоу Му и постараться сделать все возможное, чтобы он умер где-нибудь без свидетелей... В общем-то, это было бы к лучшему.

— Сначала поседем раздор между ним и У Ду, а может, и между ним и поместьем Му. У меня есть идея — раз уж Ваше Высочество уже сожгли его экзаменационные работы и нет никакой возможности выяснить, как это произошло, мы можем вызвать У Ду во дворец. Этот Ван Шань очень высокого мнения о себе, и он наверняка будет возмущен такой потерей, поэтому между ними должна возникнуть какая-то ссора из-за этого инцидента. Мы можем тайно проследить за ним, вызвать У Ду во дворец, а пока он будет отсутствовать, попросить Улохоу Му схватить Ван Шаня и избавиться от него. Таким образом, У Ду будет думать только о том, что он сбежал из дома...

— Это не сработает, — прервал Фэн До и сказал Цай Янь, нахмурившись. — Слишком запутанно, и мы не можем полагаться на Улохоу Му. Его мысли всегда где-то в другом месте. Придумай план сам и заставь Теневую Стражу его исполнить.

Фэн До еще немного поразмыслил и передумал:

— Ну, тогда все, что мы можем сделать, — это увести У Ду, послать кого-нибудь убить его и постараться сделать все как можно чище. Но если кто-то из поместья канцлера пропадет, они наверняка проведут тщательное расследование. Хотелось бы знать, есть ли у Ванов враги — ведь если есть, то можно свалить все на них. Убить легко. Сложнее отвести от себя подозрения.

Цай Янь предвидел, что на этот раз он должен во что бы то ни стало убрать Дуань Лина и собственными глазами убедиться, что тот мертв. Однако этот процесс обещал быть очень сложным: не говоря уже о том, что они собирались убить его тихо и без шума, если Дуань Лин бесследно исчезнет, У Ду наверняка не оставит это без внимания. Он продолжит расследование, и в итоге Цай Янь может оказаться замешанным в этом деле. К тому же он понятия не имел, знает ли У Ду, кем на самом деле является Дуань Лин.

Раз уж он прикрывает Дуань Лина, называя его «сыном покойного друга», возможно, он уже знает.

Последний раз Цай Янь видел Дуань Лина в тот день, когда Лан Цзюнься готовил для него ужин. Тогда он стоял на улице и не решался отравить его своими руками. Вместо этого он заставил Лан Цзюнься сделать это. В конце концов, теневой страж тоже наблюдал за тем, как Лан Цзюнься выбросил что-то в реку.

Как У Ду нашел его? Неужели он случайно подобрал Дуань Лина и дал ему противоядие? Независимо от того, знает ли он, кто такой Дуань Лин, У Ду должен был найти способ скрыть тот факт, что в поместье канцлера живет новый человек... До сих пор Цай Янь не терял надежды: зная Дуань Лина таким, какой он есть, после предательства Лан Цзюнься он не станет доверять У Ду.

Даже когда он учился в Академии Биюн, Дуань Лин уже был крайне насторожен... Поразмыслив, Цай Янь решил, что У Ду лишь случайно привел молодого человека, оказавшегося в тяжелом положении, и, чтобы найти объяснение, он придумал множество отговорок, чтобы скрыть это от Му Куанды. Пока У Ду не знает правды, у него есть шанс. Если ему придется рискнуть и тем самым вызвать недовольство У Ду, то так тому и быть.

— Придумай идеальный план. Сколько времени тебе понадобится? Фэн До, я знаю, что это твоя специальность.

— Две недели.

— Тогда иди и займись этим. Через две недели я хочу увидеть его отрубленную голову своими глазами.

— Слушаюсь.

На следующий день Дуань Лин проснулся от шума дождя и понял, что ему придется снова стирать штаны, так как они стали липкими. Прошлой ночью они слишком крепко обнимались, и он не смог полностью контролировать себя. Когда он снова открыл глаза, то увидел, как У Ду носится по комнате с ведрами, собирая воду, ритмично капающую с потолка, и тут же встал, все еще сонный. Помнится, их первый дом тоже был таким — протекал каждый раз, когда шел дождь.

Тогда У Ду, казалось, не обращал на это внимания, а теперь Дуань Лин видел, что он действительно к этому привык.

Когда в горах идет дождь, он льет как из ведра: сначала бурно журчат ручьи, их воды заполняют промоины за домами, а затем они переливаются через двор в парадный зал, низвергаясь водопадом с каждого края платформы в ущелье на много ли ниже. Вид открывается потрясающий.

У Ду стоял в воде по щиколотку, чтобы зажечь все лампы, что на самом деле выглядело довольно мило.

— Давай вернемся через несколько дней, — сказал У Ду. — Цветы персиков в горах уже отцвели, и дом протекает.

— Здесь довольно здорово.

Они стояли во дворе и смотрели на улицу, но тут поняли, что дождь действительно идет очень сильный — У Ду беспокоился, что может случиться наводнение. Здания, в которых они находились, уже много лет были в полуразрушенном состоянии, и, если иловая вода хлынет внутрь, люди будут бессильны перед ней. Обсудив это с Дуань Лином, они решили пока спуститься с горы. Иначе у них могут возникнуть большие проблемы, если что-то пойдет не так.

Дуань Лин еще раз навестил Белого Тигра и, зная, что часто возвращаться не будет, дал обет вернуть его в столицу, чтобы он охранял империю, когда вернет утраченные территории; он выкует ему пьедестал из чистого золота, вставит два драгоценных камня для глаз и построит храм, чтобы уберечь от стихий.

Дуань Лин все еще молился, но У Ду не смел больше медлить. Он посадил его на спину и как можно быстрее спустился с горы.

За ночь река резко поднялась почти на десять чи, и мутная вода, покрытая илом, хлынула на них со всех сторон, так сильно подняв уровень воды, что У Ду едва доставал шестом до дна реки, пока они снова стремительно неслись вдоль берега.

— Может, нам найти какое-нибудь место, чтобы укрыться от дождя? — прокричал Дуань Лин.

— Все в порядке! — У Ду встал на корму, чтобы направлять лодку под дождем. — Твой господин необычайно хорошо управляет лодкой!

У Ду раньше поднимался и спускался с гор исключительно на сампане. Когда дело доходило до плавания, он мог потягаться с Чжэн Янем, плывя в разгар наводнения с одной рукой, связанной за спиной. Их лодка уклонялась от бесчисленных препятствий, совершая резкие повороты по извилистым тропинкам в воде, которые они преодолевали благодаря течению.

В восточном регионе Янцзы наступил сезон дождей. Ночь проливного дождя сменилась непрерывной моросью, и несколько дней подряд их одежда просто не высыхала. Раздетые до пояса, они грелись у печки в трюме. После нескольких дней в пути Дуань Лин начал скучать по дому, и это навеяло на него мысль о том, что он действительно противоречивый человек.

— Интересно, как проходит проверка экзаменационных работ, — произнес Дуань Лин.

С тех пор как начался дождь, У Ду почти все время проводил в мокрой одежде, и теперь он встряхнул распахнутый халат, чтобы прислонить его к плите, а меж его бровей пролегла глубокая морщина.

— Я беспокоюсь, что пес Цай может что-нибудь учудить.

Дуань Лин улыбнулся.

— Что он может сделать?

— Если он украдет твои экзаменационные работы, и ты не сможешь их найти, что мы тогда будем делать?

Дуань Лин выглядел так, будто был на грани смеха.

— Наверное, он не настолько глуп. Если экзаменационная работа пропала без веской причины, разве Канцлер Му не спросит об этом? Ведь никто из нас не дурак — у тех, кто не сдал экзамен, всегда было право проверить свои работы.

У Ду ответил ему хмыканьем, но легкая складка между бровями осталась.

— К тому же, если он действительно решил ее украсть, мы ничего не сможем с этим поделать. Мы же не можем стоять на страже рядом с чиновниками, которые оценивают работы, верно?

Это правда, если подумать, поэтому У Ду больше ничего не говорил. Дождь постепенно стихал, но уровень воды в реке оставался все таким же высоким. Когда приток перед ними стал расширяться, У Ду не захотел больше рисковать, путешествуя по воде и они сошли на берег, оставив лодку, и наняли повозку, которая отвезет их обратно в Цзянчжоу.

Во время поездки сердце Дуань Лина было приковано к прекрасному, бескрайнему миру за окном с его великолепными видами, но на обратном пути он не обращал внимания на эту славную и величественную империю; все, чего он хотел, — это прижаться к У Ду в карете и разговаривать с ним. Даже если им и не о чем говорить, это было совсем не похоже на их поездку за город. Пусть он только и делал, что обнимал У Ду и болтал ни о чем, время от времени рассеянно тиская его мочку его уха, все равно ему это казалось забавным.

А сам У Ду стал еще добрее, чем раньше: его больше не окружала аура враждебности, которая постоянно сопутствовала ему, когда они только познакомились. Он, как тигр, сдерживающий свою смертельную ауру, всегда соглашался со всем, что говорил Дуань Лин, как воск в его руках, никогда не вступая с ним в конфликт.

Так проходили дни, а их привязанность друг к другу только усиливалась. Вспомнив, что у них в запасе еще около пяти-шести дней, а когда они вернутся домой, то будут проводить каждый

день рядом друг с другом, Дуань Лин подумал, что это то, чего стоит ждать с нетерпением.

***

Цзянчжоу встретил первый сезон дождей в новом году, и, подъезжая к городским воротам, Дуань Лин почти не узнал гавань — половина ее находилась под водой, а Черные доспехи, направляя простолюдинов на возвышенности, были накрыты плащами из тканого сукна.

Наводнение пришло раньше, чем в прошлом году, и его внезапное появление внесло сумятицу в планы правительства. Они только что перенесли столицу и, наконец, с большим трудом смогли обустроиться, так что Цзянчжоу стал еще более густонаселенным, чем раньше. Те, кто раньше был богатым помещиком с роскошными особняками в Сычуани, после переезда поселились в городских низинах, а теперь почти половина их домов была затоплена и находилась в весьма плачевном состоянии из-за непрекращающихся дождей.

Лошади галопом неслись из центра города, чтобы сообщить о состоянии наводнения в соседних уездах на востоке Янцзы, и почти половина экзаменационных работ, которые проверяла Императорская академия, намочила, превратившись в кашу.

— Ваше Величество...

Ли Яньцю как раз созвал совещание со своими чиновниками. Сегодняшнее утреннее собрание затянулось до полудня, а они все еще не могли прерваться на обед. Старшим чиновникам уже предоставили право сидеть, император восседал на троне, а наследный принц располагался неподалеку и слушал. Слева от императора был Му Куанда, три старших чиновника канцелярии, глава Министерства доходов Су Фа, глава Министерства труда Чжао Сюэли, а также несколько помощников министров. Слева стояла группа военных офицеров во главе с Се Ю.

— С учетом того, что дела обстоят именно так, — произнес Ли Яньцю, — а весной провинция Цзяннань пострадала от наводнений, распределение зерна и продовольствия должно быть перенесено на более ранний срок. Не похоже, что дожди прекратятся в ближайшее время. Тогда займитесь этим. Кому еще есть что представить?

Заседание длилось уже целое утро, и все придворные чиновники выдохлись. Му Куанда потребовал, чтобы богатые семьи города, а также крупные местные кланы Цзянчжоу, Цзяннань, Жунань, Хуэйчжоу и Хуайин собрали как можно больше зерна и отправили его в Цзянчжоу, чтобы осенью оказать помощь пострадавшим. Ведь в этом году дожди шли с такой яростью, что задерживали весенний сев, а новые всходы риса тонули на своих полях, поэтому не было сомнений, что летний урожай будет поражен. Императорский двор снизит налоговое бремя, а землевладельцы будут использовать свои деньги, чтобы свести к минимуму пагубные последствия этого стихийного бедствия. Таким образом, даже если осенью будет произведено меньше продовольствия, это не приведет к появлению беженцев по всей стране и вооруженным восстаниям.

В конце концов, Великая Чэнь девять лет подряд облагала провинции Сычуани и Цзянчжоу высокими налогами в размере семи долей из десяти, и они уже находились на грани экономического краха. А тут еще и стихийное бедствие, что вряд ли сделает ситуацию более оптимистичной.

Тем временем новый министр доходов Су Фа и ученые Цзянчжоу считали, что Му Куанда только закончил разорять Сычуань, оставив его улицы усеянными трупами от голода, а людей — обездоленными, поэтому нельзя допустить, чтобы он разорил и Цзянчжоу.

Таким образом, утреннее собрание переросло в серию бурных споров, но Му Куанда вел себя так, будто его все это не волновало. Он просто стоял вместе с остальными, не позволяя ничему, что они говорят, изменить его мнение.

— У меня есть меморандум, который я хочу представить, — добавил Су Фа.

Ли Яньцю уже собирался завершить на сегодня собрание и оставить их решения в силе, но теперь, когда Су Фа заговорил снова, каждый чиновник, как военный, так и гражданский, явно в душе подумал «ну и ублюдок», а Се Ю уже был близок к тому, чтобы достать свое оружие. Армия Цзянчжоу и кланы Су и Линь всегда враждовали, а теперь Су Фа выступил в пользу класса землевладельцев, поэтому его поведение демонстрировало, что он выражал их общую позицию.

— Представь его, — Ли Яньцю, однако, был очень терпелив и готов был тянуть с Су Фа до последнего.

***

Как только Дуань Лин и У Ду прибыли в город, их карета ехала по воде глубиной в полколеса, слева и справа от них простолюдины переносили свои вещи на второй этаж, а на улицах плавали кастрюли и сковородки. Дуань Лин никогда раньше не видел наводнений, и ему стало любопытно.

Даже в поместье Му затопило половину зданий. На улице они застали Чан Люцзюня, наблюдающего за тем, как слуги переносят вещи Му Цина на возвышенность.

— Куда вы пропали? — недовольно сказал Чан Люцзюнь У Ду, как только увидел его.

У Ду ответил вопросом на вопрос:

— Нас затопило?

Дуань Лин воскликнул и поспешил наводить порядок в доме.

— Ван Шань в отпуске. Канцлер Му сам дал разрешение. Какое у тебя дело?

— Канцлер Му дал разрешение на отпуск Ван Шаня, но он никогда не давал разрешения на твой отпуск, — холодно произнес Чан Люцзюнь. — Дворец посылал за тобой. Они уже четыре раза вызывали тебя. Если ты все еще не хочешь идти, разбирайся с последствиями сам.

— Кто за мной посылал?

— Его Величество.

Дуань Лин занялся разбором вещей в доме. К счастью, большинство лекарственных ингредиентов никогда не хранилось в ящиках у пола, чтобы они не отсырели. Снаружи У Ду сообщил, что отправляется во дворец, и сказал, что ему следует пока остаться с Чан Люцзюнем.

— В этом нет необходимости, разве нет? — сказал Дуань Лин.

— Иди. Вещи уберешь потом.

Дуань Лин ответил, конечно, конечно, и попросил У Ду поторопиться и не беспокоиться о нем, но тот настоял на своем и не ушел, пока Дуань Лин не оказался в поместье Му.

Как только Дуань Лин переступил порог канцлерского поместья, его вдруг охватило смутное предчувствие, что что-то не так, и он был вынужден развернуться и вернуться в их двор. Прежде чем войти в внутрь, он осмотрел его под дождем и внимательно обследовал каждый уголок. Возможно, это было не более чем предчувствие, но его не покидало ощущение, что в доме кто-то побывал.

Дуань Лин наклонился, заглядывая в ящики, которые еще не были открыты, повернулся, чтобы проверить положение подушки и край простыни под матрасом и тут же почувствовал, как по позвоночнику пробежал холодок.

Кто-то переставлял вещи в их доме!

Дуань Лин резко обернулся и понял, что в доме перенесли кучу вещей!

В этот момент ему показалось, что на него пристально смотрят, и он сразу же оставил ящики с лекарствами и быстро вышел за дверь. Как птица, испуганная звоном лука, он подсознательно начал искать безопасное место.

Кто-то побывал в их доме, и, похоже, не один раз. Где же У Ду?

Он выбежал из двора в переулок, разгоняя лужи, и помчался к главной усадьбе.

— Где Чан Люцзюнь?! — спросил Дуань Лин у слуги.

Эти глаза, словно тень за спиной, следовали за ним, пока он не заметил Чан Люцзюня.

— Чан Люцзюнь! — воскликнул Дуань Лин.

— В чем дело? — лежа на кушетке, Чан Люцзюнь помахивал перед Дуань Лином чесалкой, которую держал в руках, а его глаза рассматривали его сквозь прорезь в маске.

Дуань Лин побледнел, но вскоре успокоился и понял, что просто накручивает себя. На мгновение он задумался, прежде чем ответить:

— Где молодой господин?

— Отправился во дворец с господином канцлером, — Чан Люцзюнь сел. — А что? Что-то случилось?

Дуань Лин покачал головой, и Чан Люцзюнь придвинулся к стене, оставляя место на кушетке.

— Что ты делаешь?

— Дремлю после обеда, — ответил Чан Люцзюнь и, не обращая на него внимания, закрыл глаза. Дуань Лин задавался вопросом, насколько он силен на самом деле, но раз он был одним из великих убийц, то, скорее всего, не боялся Лан Цзюнься.

Дуань Лин сел рядом с ним и посмотрел в никуда. Чан Люцзюнь спросил:

— Куда вы, ребята, отправились?

Дуань Лин полагал, что они пришли рыться в его комнате из-за экзаменационных работ, которые они нашли в прошлый раз, но об этих работах знали только два человека: Лан Цзюнься и Чан Люцзюнь. И если это действительно Чан Люцзюнь... значит, именно Му Куанда велел ему это сделать.

— Это ты помог мне прибраться в доме? — спросил Дуань Лин.

— Нет.

— О, ну тогда ладно.

Дуань Лин чувствовал, что Му Куанда, скорее всего, не стал бы этого делать, ведь если он доверяет Чан Люцзюню, значит, так оно и есть. Если он попытается выведать у него правду и разрушить сложившееся между ними доверие, это будет только во вред его целям.

Чан Люцзюнь сел и сказал ему:

— Я правда этого не делал.

— Спи, давай, — нахмурившись, произнес Дуань Лин, возвращая Чан Люцзюня в лежачее положение и делая пару символических похлопываний, чтобы казалось, что он пытается его усыпить.

Наверное, это был Лан Цзюнься. Он приходил, потому что так и не отступился. Дуань Лин молча смотрел на непрекращающийся дождь за окном.

***

За пределами дворца У Ду спрыгнул с коня, снял плащ и накинул его на спину Бэнь Сяо. Вода забрызгивала его лодыжки, пока он не дошел до дворца и не заскочил в галерею, ведущую в императорский кабинет.

— Снимите оружие, — стражники в черных доспехах снова преградили У Ду путь.

У Ду обратился к двум солдатам, его тон был полон искренности.

— Подойдите сюда. Позвольте мне вам кое-что показать.

Солдаты не совсем понимали, о чем идет речь, но все же подошли, и У Ду щелкнул пальцем в их сторону. Двое тут же громко вскрикнули, но У Ду даже не удосужился взглянуть на них и поспешно скрылся в галерее, уходя в быстром темпе.

Позади него солдаты издавали поток проклятий, но они ничего не могли сделать, так как упали на пол, корчась. Один солдат попросил другого помочь ему снять доспехи, и оба впопыхах сорвали их с себя.

Когда У Ду пришел в императорский кабинет, Чжэн Янь наблюдал за дверью и подал У Ду знак подождать, они оба стояли у входа в кабинет. Из-за двери был слышен голос Му Куанды: очевидно, меры по предотвращению последствий стихийного бедствия, которые они обсуждали на утреннем собрании, еще не были приняты, и поле боя переместилось в кабинет. Как только все поубедали, они вернулись к Ли Яньцю, чтобы продолжить словесную битву.

Чжэн Янь ничего не говорил, и У Ду тоже. Они смотрели вверх и наблюдали за завесой дождя, стекающей с карниза.

Когда-нибудь, подумал У Ду, Дуань Лин, возможно, станет императором, как и Ли Яньцю, но неизвестно, будет ли он насмехаться над Су Фа и ему подобными или же будет вежлив с ними в общении, а за спиной будет их поносить. При этой мысли уголок его рта слегка изогнулся вверх.

Чжэн Янь с любопытством изучал У Ду, а когда тот заметил выражение лица Чжэн Яня, бросил на него пару взглядов.

Куда ты пропал? Чжэн Янь произносил слова тихо, не издавая ни звука.

У Ду приподнял бровь, и, думая совершенно о другом, левой рукой изобразил маленького человечка, а большой палец правой руки направил на себя, превращая эту ладонь тоже в маленького человечка. Маленький человечек правой руки приблизился к маленькому человечку левой руки, двигаясь вот так... так... и так...

Чжэн Янь, потеряв дар речи, показал У Ду средний палец.

У Ду указал на Чжэн Яня, затем на пол, как бы говоря, что есть кое-что, о чем он хотел бы позже с ним поговорить. Уголок рта Чжэн Яня подергивался — он уже догадывался, что он имел в виду.

С лязгом железных пластин к ним приблизился Се Ю, с ног до головы облаченный в доспехи, а за его спиной развевался плащ. Чжэн Янь и У Ду одновременно протянули руки, чтобы преградить ему путь в императорский кабинет.

— Его Величество на совещании, — сказал Чжэн Янь. — Генерал Се, пожалуйста, подождите минутку.

— Хм... — Се Ю оглядел У Ду с ног до головы, а затем негромко произнес. — Младший опекун У, как впечатляюще с вашей стороны.

У Ду слегка улыбнулся.

— Не так впечатляюще, как с вашей, генерал Се. Приходить и уходить из дворца, облачившись в черные доспехи, как это делаете вы, — хотя они у вас отполированы до блеска.

Ученые Великой Чэнь всегда презирали воинов, воины в свою очередь презирали наемных убийц, а убийцам и вовсе было некого презирать, так что единственное, что они могли делать, — это презирать друг друга. И все же перед лицом общего врага они обычно объединялись, часто высмеивая Се Ю за то, что хотя сейчас не военное время, он все равно целыми днями

ходил, полностью облачившись в доспехи, демонстрируя всем, насколько он внушителен.

— Черные доспехи всегда получали разрешение каждым новым императором. Кроме главнокомандующего Черных доспехов, только старший опекун наследника первого ранга и младший опекун наследника второго ранга могут передвигаться по дворцу с оружием; все остальные должны быть безоружны. У Ду, ты уже принял свою чиновническую должность?

У Ду присмотрелся к Се Ю, а тот достал из-за спины Копье Дракона из черного железа.

— Сегодня, если я просто оставлю тебя в покое, то не смогу оправдать свое решение перед всеми душами прошлых императоров. Почему бы нам с тобой не устроить прямо здесь поединок, и если тебе удастся меня отравить, то в мире не останется никого, кто смог бы разлучить тебя с твоим мечом.

У Ду улыбнулся.

— Интересно. Генерал Се, знаете ли вы, что в Зале Белого Тигра всегда существовал обычай, и по этому правилу только один человек мог заставить меня отдать оружие.

— Даже покойный император приказывал мне носить меч в ножнах и никогда не осмеливался выхватить «Яростный свет» из моей руки. Как ваши Черные доспехи признают только нефритовую дугу престолонаследия и не обращают внимания ни на кого другого, так и мой Зал Белого Тигра признает только оружие, а не человека. Добудьте Чжэньшаньхэ, и я, естественно, обеими руками преподнесу вам Легуанцзянь. В противном случае даже сам император-основатель Великой Чэнь не заставит потомков Зала Белого Тигра разоружиться.

—... Это У Ду снаружи? — донесся из-за дверей голос Ли Яньцю.

Се Ю замолк, и в императорском кабинете наступила тишина.

— Я сижу здесь, хотя и без Чжэньшаньхэ, но я все еще глава этой империи. Чжэн Янь, сними Легуанцзянь У Ду и принеси его в императорский кабинет.

Сказанное им было не чем иным, как попыткой вывести Се Ю и У Ду из затруднительного положения.

У Ду промолчал, но ему осталось лишь снять Легуанцзянь и передать его Чжэн Яню. Тот обеими руками занес его в кабинет.

Се Ю отдал честь у дверей и поклонился, держа кулак в руке.

— Ваше Величество, У Ду отравил моих подчиненных. Черные доспехи всегда преданны и

верны, а теперь мои люди покрыты волдырями и находятся на пороге смерти.

— Генерал Се, вы преувеличиваете, — утешительно произнес У Ду. — Это всего лишь след от зудящего порошка. Подождите три года, и они поправятся сами.

— Дай ему противоядие, — отдал из-за двери очередной приказ Ли Яньцю. — Хватит уже вредить друг другу. Это раздражает.

У Ду достал из кармана противоядие и бросил его Се Ю. Тот словил его и ушел, не сказав больше ни слова.

Внутри продолжалось обсуждение, и У Ду выглядел мрачным. Вскоре из комнаты вышел Су Фа и, заметив У Ду, еще больше нахмурился — его явно переиграл Му Куанда, а тот, кто узнал, что он брал взятки у монгольского посланника, был У Ду, и теперь он затаил на него злобу.

— Когда пойманы все зайцы, съедают охотничью собаку, — приблизился к У Ду и злобно прошептал Су Фа. — Когда летающих птиц не остается, хорошие луки прячут*.

* Из «Исторических записок» Сыма Цяня: перед побегом Фань Ли написал эти слова в письме канцлеру, чтобы предупредить его, что, как только он перестанет быть полезным, от него избавятся.

У Ду подозвал Су Фа.

— Господин Су, пожалуйста, подождите. Позвольте мне показать вам кое-что.

Су Фа было почти пятьдесят и он прекрасно понимал, что уготовано ему Небесным мандатом, он был бодр и весел, несмотря на свои годы, поэтому в мгновение ока убежал, исчезая в коридоре.

— Войди, — раздался голос Ли Яньцю.

У Ду зашел внутрь и с удивлением обнаружил в комнате Му Куанду, Цай Янь, Лан Цзюнься и Чжэн Янь. Легуанцзянь лежал на оружейной стойке позади Лан Цзюнься.

— Ты можешь забрать меч, — серьезно произнес Цай Янь. — Я не сомневаюсь в твоей преданности.

Цай Янь жестом подозвал Лан Цзюнься. Он снял с подставки Легуанцзянь и передал его Цай Яню, а тот взял его в обе руки и отдал У Ду.

У Ду принял его и пристегнул к поясу, не выглядя счастливым, что было вполне естественно.

Чан Люцзюнь, Чжэн Янь и Лан Цзюнься имели право носить свои мечи во дворце. У Лан Цзюнься была чиновническая должность императорского стражника, как и у Чжэн Яня. Ладно, эти двое получили особое разрешение от наследного принца и императора, но чтобы Чан Люцзюнь расхаживал здесь, а У Ду был единственным исключением, — это просто унижение.

— Дайте ему место, где можно присесть, — приказал Ли Яньцю.

Чжэн Янь внес низкий столик, за который, скрестив ноги, сел У Ду. Основание, на котором стоял стол и коврик для сидения Ли Яньцю, было несколько выше, чем все остальные в кабинете, поэтому все собравшиеся сидели ниже. На мгновение он бросил взгляд на У Ду и вздохнул.

— Канцлер Му тоже сегодня здесь, — Ли Яньцю вальяжно перелистывал страницы меморандума, лежащего перед ним. — Вот я и подумал, что это хороший шанс узнать, что ты думаешь. Однако, видя, как ты наслаждаешься свободой, поднимаешься по своему желанию в облака и летаешь, как дикий журавль, кажется, мы уже знаем твой ответ.

Му Куанда улыбнулся.

— Если разобраться, в поместье работает довольно много людей, но У Ду — единственный, кто никогда меня не слушает. Он всегда просто уходит, когда работа закончена, и никогда не берет больше, чем ему причитается, не склонен ни к скупости, ни к наживе.

— Я слышал от канцлера Му, — Цай Янь выглядел довольно расслабленным и непринужденным, — что ты не хочешь работать во дворце из-за своего приемного сына?

У Ду сначала долго молчал, но потом прервал молчание, сказав лишь одно слово:

— Да.

Цай Янь продолжил говорить с улыбкой:

— Это я неоднократно умолял Его Величество принять тебя на службу в Восточный дворец, и именно поэтому Его Величеству неоднократно приходилось тебя беспокоить. Раз уж ты оказался сегодня здесь, я просто попрошу тебя ответить. Если ты скажешь, что не хочешь, мы, разумеется, не станем тебя заставлять.

Не успел У Ду заговорить, как Ли Яньцю, казалось, о чем-то вспомнил и спросил:

— Как зовут твоего приемного сына?

— Ван Шань. Мы не приемные отец и сын, а братья. Его отец был старше меня на целое поколение, а перед смертью он доверил сына мне и попросил хорошо с ним обращаться — пока я жив, я не должен покидать его.

Цай Янь глубоко вздохнул и уставился на У Ду, его брови постепенно начали сходиться. Но У Ду не обращал на него ни малейшего внимания и сосредоточился на Ли Яньцю.

Ли Яньцю о чем-то размышлял с тех пор, как задал последний вопрос, и наконец задал другой:

— Когда я видел его на днях, мне показалось, что ему уже пятнадцать или шестнадцать лет. Он участвовал в государственных экзаменах в этом году?

— Да.

— Пошлите кого-нибудь принести его экзаменационные листы, я хотел бы их увидеть, — приказал Ли Яньцю.

Лицо Цай Яня мгновенно стало пепельно-белым, и он опустил взгляд на стол.

Ли Яньцю рассеянно взмахнул рукой.

— На сегодня все, можете идти — день, наверное, выдался утомительным. У Ду, ты остаешься.

— Я останусь здесь, чтобы составить вам компанию, дядя.

С тех пор как Цай Янь вернулся во дворец, он часто называл себя «ваш подданный, императорский сын»*.

* «Дядя» пишется как «шуфу», «шу» — дядя, «фу» — отец, поэтому он обращается с Ли Яньцю, как с собственным отцом.

У Ли Яньцю появились признаки усталости. Ведь он целый день сражался с каждым из своих чиновников по очереди, и теперь он был действительно измотан. Он сказал Цай Яню:

— Иди пока отдохни. Составишь мне компанию вечером.

— Дядя... — Цай Янь все еще хотел настоять на своем, но Ли Яньцю снова отмахнулся от него, опираясь на перекладину своего стола. Он закрыл глаза и больше ничего не сказал.

Как только Цай Янь ушел и увел с собой Лан Цзюнься, Му Куанда тоже покинул комнату. В кабинете царила тишина, У Ду, Ли Яньцю и Чжэн Янь остались одни.

Ли Яньцю нарушил тишину, негромко произнеся:

— Ты не хочешь вступать в Восточный дворец, и если это не из-за кого-то другого, то, полагаю, из-за моего сына.

Как Цай Янь называл себя подданным Ли Яньцю, императорским сыном, так и Ли Яньцю называл Цай Яня своим императорским сыном, дядя — как отец; у Ли Яньцю не было своих детей, поэтому он изливал всю свою отцовскую любовь на Цай Яня. Придворные, естественно, сочли это неприличным и неоднократно делали замечания, но Ли Яньцю не обращал на них внимания. Они относились друг к другу как отец и сын и всегда называли друг друга именно так.

Слова так и вертелись на языке, но У Ду быстро решил оставить их при себе.

По их с Дуань Лином оценке, при дворе у них могли быть враги — в том числе и Ли Яньцю. Дуань Лин не очень-то в это верил, но даже если такое и придется сказать, то это должен делать Дуань Лин, а не У Ду.

— Ваше Величество, все не так серьезно. Я никогда раньше не занимал должности чиновника и боюсь оскорбить Его Высочество. Одни предпочитают жизнь при дворе, другие — в просторах рек и озер*. Каждому свое.

* Здесь У Ду говорит «цзянху», что дословно означает реки и озера, но имеет переносное значение. Во многих китайских литературных произведениях, особенно в романах уся, цзянху подразумевает под собой деятельность древних народных героев.

— Возможно, дело не в том, что ты оскорбишь Его Высочество, а в том, что Его Высочество уже оскорбил тебя, я прав? — Ли Яньцю слегка приподнял бровь. — Он не раз упоминал, что заточил тебя в тот день только для того, чтобы утихомирить гнев придворных и военных, а после объявления всеобщей амнистии освободил тебя, чтобы дать тебе шанс искупить свою вину за твой проступок. Как ученик Зала Белого Тигра, ты сосуществуешь с этой империей — ее слава принадлежит тебе, как и ее бесчестие. Почему же ты держишь мелкую обиду на будущего правителя государства?

У Ду молчал. В голосе Ли Яньцю звучал упрек, но, похоже, он вовсе не сердился. Он лишь облегченно вздохнул.

— С того самого года, как ты покинул Зал Белого Тигра, ты не думал о государстве. Интересно, это потому, что ты из тех, кто никогда не повзрослеет, или так тебя воспитали в Зале Белого Тигра?

Все это время У Ду хранил молчание.

Наступила долгая, долгая пауза, прежде чем Ли Яньцю снова заговорил.

— Я припоминаю, что, согласно легенде, двести лет назад жил человек, чей темперамент очень напоминал твой.

У Ду выглядел таким же холодным и безразличным, как и всегда, но тем временем Чжэн Янь понял слова Ли Яньцю и расплылся в улыбке.

— Мы с этой империей сосуществуем; ее слава — моя, как и ее бесчестье, — ответил У Ду.

— Именно так, — сказал Ли Яньцю. — Теперь ты понимаешь?

Есть вопросы, которые не нуждаются в подробном описании, и те, кто в них вовлечен, должны иметь о них полное представление. Ли Яньцю знал, что это все, на что он мог пойти, ведь если он продолжит, это, несомненно, умалит его могущество как императора. У Ду не был похож на трех других убийц — он был главой всех убийц в стране, и его верность была верностью всех тех подпольных обществ, которые действовали в мире за пределами правительства.

Ли Яньцю прекрасно понимал, что будь то бывший император — его отец и отец его брата, или покойный император Улиэ*, пожертвовавший собой, Ли Цзяньхун, или даже он сам и его племянник — никто из них не оказывал У Ду должного уважения. Столетия назад, не имея в руках ничего, кроме Чжэньшаньхэ, Ваньлифу помог императору-основателю Великой Чэнь установить мир в раздираемом войной царстве, изгнать иноземных захватчиков и вернуть родные земли. Если бы Ваньлифу был жив, он должен был бы быть на равных с императором.

* Улиэ — посмертный титул Ли Цзяньхуна, но можете не запоминать, он встречается в новелле только 1 раз. Улиэ — также посмертный титул Сунь Цзяня из Троецарствия.

На первый взгляд это было клятвой верности, на самом же деле — сосуществованием.

Но он не мог предоставить У Ду равные условия — У Ду был еще слишком молод, а Ли Яньцю держал свои негативные мысли при себе с тех пор, как У Ду покинул Зал Белого Тигра и отказался выполнять свои обязанности, предпочтя работать на Чжао Куя. Именно из-за этого Зал Белого Тигра и императорский клан зашли в тупик.

У Ду не имел ни влияния, ни власти. То, что осталось после столетия мира и процветания независимых обществ и союзов, было не более чем пустыми словами. Даже если все мстители мира соберутся в одном месте, им мало что удастся сделать.

Но что бы ни случилось, его статус всегда будет закреплен за ним.

Его обязанность — охранять императорский двор Великой Чэнь, но это обязанность, а не долг*. Если они хотят, чтобы он исполнял свои обязанности, они должны относиться к нему с

уважением. Ли Яньцю часто расстраивался из-за этого, ведь если бы его брат все еще был рядом, У Ду был бы вынужден присягнуть ему на верность. А сейчас он не давал клятв; он не присягал ни Ли Яньцю, ни наследному принцу, ни кому-либо еще — он присягнул только одному храброму умершему человеку. Отпустить У Ду для Ли Яньцю будет позором, а если тот не желает, то и пытаться склонить его на свою сторону бессмысленно. Ли Яньцю действительно оказался между молотом и наковальней.

* 臣 — это ответственность с акцентом на последствия, а 忠 — обязанность, продиктованная долгом. Первое чаще конкретно и формально, второе — абстрактно и морально.

Снаружи заговорил чиновник, служащий в канцелярии:

— Ваше Величество, мы нашли экзаменационную работу, но...

— Впустите его, — сказал Ли Яньцю.

Чжэнь Янь открыл дверь, и один из чиновников, занимающихся оценкой, лично внес ящик с экзаменационными работами, наполненный тонкими листами бумаги, настолько пропитанными водой, что все написанные на них символы превратились в расплывчатое месиво, а чернила уже просочились из одного слоя в другой, склеив все страницы между собой.

Ли Яньцю и У Ду молча уставились на это безобразие.

Чжэн Янь, смеясь, потянулся к ним и несколько раз попытался поднять некоторые из них, а затем бросил обратно.

Чиновник поставил деревянный ящик на пол, а затем опустился на колени, чтобы поклониться, и дрожащим голосом произнес:

— Многодневные дожди залили хранилище свитков, и сорок одна бумага, хранившаяся в этом футляре, была в большинстве своем испорчена наводнением. Мы не смогли найти экзаменационную работу Ван Шаня, так что, скорее всего, она была среди этих... Мне очень жаль.

У Ду, казалось, растерялся и повернулся к Ли Яньцю.

Тот тоже не знал, что делать. От стихийного бедствия никуда не деться, поэтому он не собирался переживать по этому поводу, как и возлагать вину на ученых — в конце концов, преследовать виновных в подобных вещах должен кто-то другой.

— Пошлите за Се Ю, — сказал Ли Яньцю. — Пусть кто-нибудь вызовет во дворец всех экзаменуемых, чьи работы были испорчены водой. Сделайте это сегодня вечером.

***

Снаружи по-прежнему шел дождь, а Дуань Лин сидел на кушетке и размышлял. Му Куанда вернулся раньше У Ду, и сразу по приезде он послал за Дуань Лином.

— Я думал, ты будешь советовать У Ду присоединиться к Восточному дворцу, — Му Куанда взял у служанки чашку чая и, даже не взглянув на Дуань Лина, снял крышку и отпил несколько глотков. — Как ты знаешь, не всякий может стать младшим опекуном наследника.

— Я... я понятия не имел, — ответил Дуань Лин. — Ему правда предложили эту должность?

Глаза Му Куанды чуть приподнялись над краем чашки, и он посмотрел на Дуань Лина.

— Пока что не будем говорить о том, знал ты об этом или нет. Теперь, когда Его Величество попросил о личной встрече и хочет прочитать твою экзаменационную работу сегодня, он, скорее всего, предложит У Ду обмен. Если потом он вызовет тебя во дворец, ты знаешь, что тебе следует сказать?

Дуань Лин почувствовал себя беспокойно и не ответил.

Тогда Му Куанда произнес:

— Все, кроме Ван Шаня, могут идти.

После того как Му Куанда освободил комнату от остальных, они остались одни. Дуань Лин хранил молчание, но мысли его двигались со скоростью одной ли в минуту. Он был одним из тех, кто знал о подставном наследнике престола. С той ночи Му Куанда ни разу не упоминал о нем, так что у него, вероятно, уже был план, но Дуань Лин не знал, как он собирается свергнуть Цай Яня и чьими руками.

Отправка У Ду в Восточный дворец была бы крайне выгодным ходом для их стороны: У Ду сможет приблизиться к наследному принцу и собрать доказательства, чтобы передать их Му Куанде.

Как и ожидал Дуань Лин, Му Куанда произнес:

— Мой ученик, это убьет двух зайцев одним выстрелом, так почему же ты все еще пытаешься придумать оправдания?

Дуань Лин понял, что на этот раз ему не удастся уйти, ничего не пообещав. Если он снова откажется, Му Куанда обязательно что-то заподозрит.

— Да, когда У Ду вернется, я обязательно его уговорю.

Только после этого Му Куанда удовлетворенно кивнул, изучая выражение лица Дуань Лина, и почувствовал смутное беспокойство.

— Я брал к себе в ученики только двух человек. Шань-эр, сама судьба привела тебя ко мне.

Дуань Лин опустил на пол и поклонился.

— И что еще более редкий случай — ты знаешь, чего я хочу. Другой бы никогда не поступил так, как ты в Тунгуань.

— Это все благодаря вашим наставлениям, учитель.

Тон Му Куанды резко сменился.

— Раз уж ты знаешь, чего я хочу, то мне больше не нужно ничего говорить.

У Дуань Лина кровь стыла в жилах — он знал, что Му Куанда всегда говорит между строк, и если это то, что он имел в виду, значит, он хочет, чтобы Дуань Лин заставил У Ду отправиться во дворец и собрать доказательства, и Му Куанда мог привести свои планы в действие.

— Да, — ответил Дуань Лин.

Каким-то образом он невольно оказался в одной лодке с Му Куандой; ему было интересно, что тот подумает, когда узнает, что Дуань Лин на самом деле настоящий наследный принц.

Снаружи Чан Люцзюнь кашлянул, чтобы привлечь их внимание.

— Господин канцлер, Чжэн Янь здесь.

— Как только выпьешь эту чашку чая, приведи себя в порядок и будь готов к тому, что тебе предстоит сделать. У тебя был отпуск, и то, что должно быть тебе предоставлено, уже было предоставлено. Как далеко ты сможешь продвинуться, будет зависеть только от тебя.

Дуань Лин взял у Му Куанды чай, выпил его, перевернул чашку на стол и снова поклонился ему. Выйдя на улицу, он застал Чжэн Яня на веранде.

— Его Величество желает тебя видеть, — сказал Чжэн Янь Дуань Лину.

— Пойдем.

Дуань Лин уже знал, почему, но сделал вид, что не догадывается.

— Что такое?

— Он собирается накормить тебя, — произнес Чжэн Янь*.

* Дословно «он собирается наградить тебя рисом/едой» или «он собирается дать тебе работу». Термин «миска для риса» также означает работу.

Дуань Лин взглянул на Чжэн Яня, не зная, говорит ли он правду.

Когда они добрались до дворца, он услышал шумную толпу неподалеку. Хотя уже наступила ночь, небо было затянуто дождевыми тучами, а вода стекала по крышам, как по плотному занавесу, во дворце этим вечером было довольно оживленно.

— Сюда, — сказал Чжэн Янь.

Дуань Лин вгляделся в отдаленную толпу и увидел, что она состоит в основном из молодых людей.

— Что они здесь делают?

— Тебя это не касается. Не задавай лишних вопросов и не высовывайся.

Чжэн Янь повел Дуань Лина в пустой дворцовый зал, в котором не было ничего, кроме единственного стола и циновки для сидения.

— Садись, — сказал ему Чжэн Янь.

Дуань Лин сел. Чжэн Янь поднялся, чтобы выйти из комнаты, а Дуань Лин, инстинктивно чувствуя, что оставаться одному опасно, спросил:

— Эй! Куда это ты собрался?

— Я сейчас вернусь, — раздался голос Чжэн Яня.

Дуань Лин уже собирался встать и уйти, но тут услышал, как Чжэн Янь задал вопрос в коридоре.

— Все ли готово?

— Все готово, — ответил снаружи стражник.

Чжэн Янь вернулся, на этот раз с коробкой для еды в руках, которую открыл перед Дуань Лином. В ней было четыре аккуратно расположенных квадратных отделения, а сбоку стояла миска с белым супом, в котором плавало несколько листьев нежно-зеленых побегов полыни*. Единственное, что узнавал Дуань Лин, — это белый рис в одной из коробок, и даже он был украшен цветком груши.

* Предположительно, если вместе прокипятить молодые побеги полыни и китайскую капусту с рыбой фугу, можно нейтрализовать ее яд (главное, не пытайтесь это сделать дома).

Дуань Лин в оцепенении уставился на него.

— Сначала поешь, — Чжэн Янь принес стул и, сев за дверью, достал из халата бутылку вина.

— Что... Что это? — с удивлением произнес Дуань Лин и попробовал откусить. Он не мог понять, что именно он ест. Он знал лишь, что это невероятно вкусно.

— Свинина, нашинкованная по-цяньтански, сердцевина капусты, корень лотоса, фаршированный девятью начинками, — сказал Чжэн Янь. — Смотри, не подавись, не спеши*.

* Цяньтан — это район в Ханьчжоу.

Дуань Лин едва не подавился едой и сделал глоток супа.

Чжэн Янь добавил:

— Суп приготовлен из тушеной рыбы. А теперь, раз ты отведал моей еды, то принадлежишь мне. Давай проведем брачную ночь в завершение вечера — во всяком случае, У Ду уже отдал тебя мне.

Дуань Лин едва не выплюнул суп; единственной мыслью в его голове стало не «вот ублюдох», а «хорошо, что я его не выплюнул, а то было бы жалко».

Впервые в жизни Дуань Лин пробовал такую вкусную еду. В корне лотоса было девять отверстий, и ингредиенты в каждом из них были разными, хотя он различал только свинину, курицу, рыбу, вяленое свиное брюшко и ветчину. И каким-то образом Чжэн Янь сумел нарезать лотос так тонко, что он стал похож на листы бумаги, а начинка при этом не рассыпалась. Он не знал, как были приготовлены капустные сердцевинки, но они выглядели, словно полураскрытые распутившиеся цветы. Но самое вкусное блюдо — это нашинкованная свинина: мягкая, совсем

не жирная, с легким привкусом уксуса, она идеально сочетала в себе соленое и сладкое.

Не прошло и получаса, как Дуань Лин покончил со всем, что было в коробке с едой, едва удержавшись от желания облизнуться.

Наевшись блюд, приготовленных Чжэн Янем, Дуань Лин почувствовал, что прожил последние шестнадцать лет напрасно.

Было бы здорово, если бы У Ду тоже умел так готовить.

Наевшись досыта, Дуань Лин положил палочки ровно на свою коробку с едой и закрыл крышку.

— Готовить — все равно что писать сочинение, — небрежно бросил из-за двери Чжэн Янь. — Нужно обращать внимание на гармонию между ингредиентами. Каждое блюдо должно быть не только острым или только соленым. Иногда нужно также навести справки о том, откуда родом обедающий, изучить его лицо, угадать его предпочтения. Лучшая еда — часто та, что больше всего подходит.

— Спасибо за совет, — с улыбкой ответил Дуань Лин. — Та, кто однажды выйдет за тебя замуж, никогда не захочет тебя покинуть.

Чжэн Янь усмехнулся и поддразнил его:

— Как говорится, еда и плотские желания — суть человеческой природы*; если останешься со мной, даю слово, каждое утро будешь просыпаться с угощением, засыпать — с лакомством. Сидя — буду кормить с руки, а в постели — прижму к груди и накормлю... особыми яствами, каких не отведают в мире смертных.

* Из Конфуция.

Дуань Лин знал, что, если он продолжит этот разговор, Чжэн Янь никогда не остановится, и он будет единственным объектом насмешек, поэтому мог лишь резко сменить тему.

— Готовить еду — все равно что управлять страной; управлять большой страной — как варить гарнир.

Чжэн Янь забрал коробку с едой, а взамен дал Дуань Лину набор письменных принадлежностей и положил их перед ним.

— Давай, начинай писать. Твое экзаменационное сочинение размокло, и Его Величество приказал провести сегодня новый столичный экзамен.

Дуань Лин уже задумывался над этим вопросом, но сейчас он кивнул Чжэн Яню и расправил свиток. В верхней части была одна строка текста: «Омытый дождем, причесанный ветром, он принес стране стабильность».

Дуань Лин смотрел на нее, чувствуя, что у него нет слов.

Это была фраза из трактата Чжуан-цзы, из главы под названием «Царство», а не из «Четырех книг и пяти классик». Он не знал, читали ли его другие люди, но он да. Всем ли достался такой же вопрос? Зачем задавать такой вопрос? Как другие экзаменуемые должны на него отвечать?*

* Существует множество школ мысли/философии, и гражданские экзамены были основаны на учениях Конфуция. Вопрос, заданный здесь, принадлежит даосской школе, а это просто не является частью стандартного учения. Ли Цзяньхун, однако, всегда любил даосскую школу.

Чжэн Янь тоже ничего ему не сказал, просто обхватил руками меч и задремал на кушетке, явным выполняя здесь роль экзаменатора.

Это уже выходило за рамки обычного экзамена. Дуань Лин не мог не вспомнить своего отца: он очень любил даосскую школу. В кулинарии — управление большой страной сродни приготовлению гарнира; в обучении — Паодин забивает корову, связав ее; в управлении — знающий других — умен, знающий себя — мудр; в жизни — кто доволен, тот богат*.

* Это все разные цитаты из Дао дэ цина. Паодин — имя мясника, если что. В общем, там история о удивительной технике забивания коровы при помощи Дао. Нужно попадать по мягким точкам, а не по костям, чтобы причинить меньше боли корове и приложить меньше усилий. То есть смысл в том, что в любом деле нужно искать такие «мягкие места», а не долбить по костям.

Поэтому Дуань Лин также увлекался даосской школой и почитывал Чжуан-цзы. Там было написано о Дапэне, который при сильном ветре хлопал крыльями и поднимался на тысячи ли, о хаосе до сотворения мира, о черепахах, свободно живущих в грязи и волочащих за собой длинные хвосты, за которыми тянулись следы, о дереве, растущем недостаточно прямо, чтобы использовать его для плотницких работ...*.

* Дапэн — гигантская птица в древнекитайской мифологии. Впервые упоминается в книге Чжуан-цзы (IV век до н. э.), где описано её происхождение от исполинской рыбы Кунь.

Там же была и часть о борьбе Юя Великого с наводнениями — «Когда Юй Великий с помощью дамб остановил наводнение, он вычерпал Янцзы и Желтую реки и соединил водные каналы провинций, таким образом взяв под контроль триста великих рек, три тысячи притоков и бесчисленное множество ручьев. Юй Великий нес корзину и работал лопатой собственными руками, и наконец направил скопившиеся на суше воды в великие реки. От такого истощения на его бедрах не осталось ни жира, ни волос. Омытый дождем, причесанный ветром, он принес земле стабильность.

Именно из этого текста пошла идиома «ветер причесал, дождь умыл»*.

* В значении «и в дождь и в бурю», «невзирая на трудности».

— Это Его Величество придумал такой вопрос?

— Просто ответь на него. Я человек необразованный — даже читать не умею, так откуда мне знать?

— Ты должен уметь читать, — Дуань Лин даже не знал, что на это ответить.

Чжэн Янь усмехнулся.

— Если получишь звание Чжуаньюаня*, я тоже попрошу тебя стать моим учителем.

* Ученое звание лучшего среди сдавших государственный экзамен.

Дуань Лин на мгновение задумался, не понимая, чего добивался Ли Яньцю, задавая этот вопрос на экзамене. Он действительно имел в виду наводнение, охватившее страну, или в этом был какой-то иной смысл? Не решаясь строить предположения о том, что имел в виду Ли Яньцю, придумывая вопрос, он записал слова «расчистить путь лучше, чем преградить его силой», пытаясь ответить на них, рассказав о методе Юя Великого по борьбе с наводнениями.

На этот раз ему не помешал писательский застой, и как только его кисть коснулась страницы, слова просто потекли. Когда он написал уже около тысячи знаков, пришла служанка, чтобы зажечь лампы, но Чжэн Янь с самого начала не шелохнулся, словно статуя.

Дуань Лин, сохраняя спокойствие и ясность сердца, повествовал об обращении с водой, а затем перешел к управлению государством. Народные настроения были подобны воде, и вода могла как нести лодку, так и опрокинуть ее; она могла отправить судно в путь, но ее волны могли вздыбиться и достичь небес. Только направляя ее, можно управлять страной и принести ей мир.

Когда Дуань Лин закончил писать, он почувствовал, что его сердце улеглось, но теперь он начал задаваться вопросом, где У Ду. Это он попросил Чжэн Яня составить ему компанию?

— Где У Ду?

— Он ждет прямо здесь, — ответил Чжэн Янь. Заметив, что Дуань Лин закончил сочинение, он подошел к нему и запечатал его в бумажный тубус, после чего собрался уходить.

Как только Чжэн Янь ушел, Дуань Лин снова напрягся, опасаясь, что какой-нибудь убийца может прийти и прикончить его. К счастью, не прошло и минуты, как в зал вошел У Ду, словно у них двоих случилась пересменка.

— Что происходит? — спросил Дуань Лин.

У Ду испытывал беспокойство. Он приложил палец ко рту, говоря «ш-ш-ш», и сел рядом с Дуань Лином.

— Мы не можем пока вернуться домой. Его Величество собирается прочитать твое экзаменационное сочинение.

У Ду, не повышая голоса, как можно тише рассказывал о том, что произошло ранее.

Брови Дуань Лина напряженно сошлись.

— Я уже обещал канцлеру Му, так что мы не можем снова отказаться. Что же нам делать?

— Я что-нибудь придумаю.

— А почему бы нам... не сделать это сегодня, — Дуань Лин слишком долго находился в напряжении — лучше сорвать повязку, чем продлевать агонию, подумал он, — так что он вполне мог рассказать все Ли Яньцю. Но он не мог быть уверен, как все обернется в дальнейшем. Они могли рассчитывать на противостояние с Цай Янем и Лан Цзюнься, но у самого Дуань Лина не было ничего, на что можно было бы опереться, кроме двух экзаменационных работ, которые они украли у монголов.

— Экзаменационные листы у тебя с собой?

У Ду показал Дуань Лину свой меч, распутал ремешок, привязанный к ножнам, и обнажил пожелтевший край бумаги. Дуань Лин сделал глубокий вдох и, кивнув, снова убрал его в ножны.

— Что ты хочешь сделать? — спросил У Ду.

Сердце Дуань Лина колотилось. Он обнял У Ду и зарылся лицом в его грудь.

У Ду прижал его к себе.

— Не волнуйся, никто не сможет тебе ничего сделать. Если что-то пойдет не так, я просто возьму тебя с собой и сбегу.

Дуань Лин сделал глубокий вдох и, покачав головой, успокоился.

— Будем играть на слух, — сказал Дуань Лин.

Это будет самое серьезное испытание за всю его жизнь.

— Если я не присоединюсь к дворцу, что может сделать со мной канцлер Му? Если он припрет меня к стенке, никто из них не выйдет из этой ситуации целым и невредимым.

Дуань Лин на мгновение замолчал, охваченный безмерным страхом.

— Если только канцлер и Его Величество не передумают, — ответил Дуань Лин, — канцлер Му обязательно заставит нас это сделать.

Постепенно он начал прикидывать, что делать. Он не был уверен, что сейчас самое подходящее время, но, по крайней мере, они могли пойти и по другому пути.

— Кто-то обыскал наш дом, — сказал Дуань Лин. — Улохоу Му знает об экзаменационных работах, так что они наверняка придумали, как их подделать. Вряд ли все могло пойти так гладко. Мы не можем сегодня рассказать Его Величеству правду — иначе велика вероятность, что мы попадем в ловушку.

У Ду на мгновение задумался, а затем кивнул.

— Чжэн Янь что-нибудь говорил тебе?

Дуань Лин покачал головой.

— Мне только сегодня пришло в голову, — произнес У Ду, — что, когда мы вернулись на днях и я убирал вещи, Чжэн Янь тоже это видел. А ты ничего не заметил?

Дуань Лин вспомнил ту ночь и медленно покачал головой. В тот вечер Чжэн Янь действительно присутствовал, но знал ли он, что У Ду укладывал в футляр? Он же не мог быть настолько внимательным, верно? На спине Дуань Лина мгновенно выступили капельки холодного пота — Чжэн Янь видел, как Лан Цзюнься открыл потайное отделение в ножнах сабли, и подумал, что в нем что-то хранится. Нет... Потайное отделение явно предназначалось для того, чтобы прятать в нем какие-то вещи.

В тот момент он даже сказал: «Ну и в какие загадки мы играем?»

Если бы Чжэн Янь обратил внимание на У Ду, то увидел бы, что тот положил в футляр, и если

бы Чжэн Янь был достаточно умен, чтобы связать воедино выражение лица Лан Цзюнься и реакцию У Ду, то смог бы догадаться, что У Ду что-то достал из ножен и спрятал!

— На чьей стороне Чжэн Янь? — спросил Дуань Лин.

— В основном он не вмешивается в происходящее. В те времена он выполнял кое-какую работу для Хуайинхоу только потому, что дружил с Яо Фу. Я слышал, что несколько лет назад покойный император ездил в Хуайин и с первой встречи быстро подружился с ним, и вот так Чжэн Янь оказался здесь, во дворце. А почему ты спрашиваешь?

У Ду уставился на Дуань Лина. Тот обдумывал точку зрения Чжэн Яня. Если бы его отец был жив, Чжэн Янь, вероятно, был бы одним из немногих людей в мире, кто мог бы с ним поладить. А вот У Ду, похоже, немного ревновал.

— Он ведь не приставал к тебе?

— Конечно, нет, — Дуань Лин неловко посмотрел на него в ответ — серьезная атмосфера, которая витала между ними, внезапно стала немного странной.

— Дай-ка я проверю, — У Ду протянул руку к Дуань Лину.

Дуань Лин прошептал:

— Мы во дворце!

От всех этих прикосновений и поглаживаний Дуань Лину сразу стало не по себе, но потом У Ду наклонился, чтобы поцеловать его, и спустя несколько легких поцелуев дыхание Дуань Лина участилось.

— Я хочу домой, — сказал Дуань Лин.

— Мы можем просто уйти, — ответил У Ду.

Уехать куда-нибудь, где нет людей, где им не о чем беспокоиться... Сердце Дуань Лина вдруг охватила нежность: несмотря ни на что, у него все еще был выбор, и этот выбор — человек рядом с ним. Кем бы он ни был, Дуань Лином, Ван Шанем или Ли Жо... этот человек не оставит его.

Он поднял взгляд на У Ду и, наклонившись, поцеловал его в губы.

Лицо У Ду стало пунцовым, он прикрыл нос рукой и отвернулся, стесняясь смотреть на него.

Дуань Лин лишь усмехнулся.

— Чего ты краснеешь?

У Ду уже не мог вымолвить ни слова и отмахнулся от Дуань Лина, чтобы тот прекратил. В этот момент раздалась шаги. Это Чжэн Янь.

— Айо. А меня в компанию возьмете? Заодно будет шанс научить вас двоих кое-чему.

— Убирайся! — яростно прорычал У Ду.

Но Дуань Лин улыбнулся ему в ответ.

— Подойди сюда и давай поговорим.

Дуань Лин сохранял улыбку на лице, но думал о том, как бы побольше узнать о Чжэн Яне.

Глаза Чжэн Яня заблестели, когда он взглянул на Дуань Лина.

— Его Величество желает тебя видеть.

Сердце Дуань Лина сжалось. У Ду бросил на него взгляд, и тот кивнул ему.

И тогда У Ду произнес:

— Я отведу тебя.

<http://bllate.org/book/15657/1400659>